

Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами

Рекомендация для цитирования:

Антонов Д. И., Завьялова А. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024.

№ 42(3). С. 136–163.

<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-136-163>

For citations:

Antonov, D. I., Zavialova, A. (2024) "Soviet Icons and Semiotic ideologies: What Guides People When They Guide Icons", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(3): 136–163.

<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-136-163>

Поступила в редакцию: 18.05.2024; прошла рецензирование: 26.08.2024; принята в печать: 16.09.2024.

Received: 18.05.2024; Revised:

26.08.2024; Accepted for publication: 16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

ДМИТРИЙ И. АНТОНОВ

РГГУ, РАНХиГС (Москва, Россия).

antonov-dmitriy@list.ru

ORCID: 0000-0002-8081-4420

АНАСТАСИЯ И. ЗАВЬЯЛОВА

РГГУ (Москва, Россия).

zavialovanastasia@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8081-4420

Статья посвящена семиотическим идеологиям, которые определяют способы означивания старых вещей и практики взаимодействия с ними на постсоветском пространстве. Советские иконы — самые распространенные религиозные артефакты коммунистической эпохи — после распада СССР также перешли в разряд «старых вещей». Их функции, локусы бытования и символический статус изменились, когда советское государство перестало существовать. На оценки и практики обращения с иконами советских лет влияют пять семиотических идеологий, которые выделяют авторы и которые в целом характерны для современного российского общества: историческая, антикварная, семейная, модернизирующая и идеология «опасной вещи». Многоплановый пейзаж из пяти способов означивания в случае с советскими иконами обретает еще одно измерение, когда дополняется представлениями о благодати, характерными для религиозного поля. Каждая из упомянутых установок сложилась в своей социо-

культурной среде и под влиянием различных исторических процессов. В современном социуме они находятся в постоянном взаимодействии, иногда вступая в конфронтацию: соперничают в сознании одного модератора (владельца икон, мастера-образовника, священника и др.), «просвечивают» сквозь друг друга, изменяются в зависимости от коммуникативной ситуации. То, какая из них возьмет верх над другими, в конечном счете определит, выберет ли модератор практику сохранения советских икон или будет утилизировать их. В заключительной части статьи рассмотрено влияние, которое могут оказывать исследователи (историки, антропологи) на модераторов, общаясь с ними в рамках экспедиций и вольно или невольно провоцируя их на изменение или ситуативное переключение семиотических идеологий.

Ключевые слова: иконы, семиотические идеологии, старая вещь, антиквариат, семейная реликвия, опасная вещь

Soviet Icons and Semiotic ideologies: What Guides People When They Guide Icons

Dmitriy I. Antonov

Russian State University for the Humanities; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). antonov-dmitriy@list.ru

ORCID: 0000-0001-5387-9387

Anastasia I. Zavialova

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia). zavialovanastasia@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8081-4420

The paper focuses on the semiotic ideologies that define the ways of designating old things and the practice of interacting with them in the post-Soviet countries. Soviet icons, the most common religious artifacts of the Communist era, also passed into the category of “old things” after the collapse of the USSR. Their functions, loci of existence and symbolic status changed when the Soviet state ceased to exist. The assessments and practices of handling icons of the Soviet years are influenced by five semiotic ideologies that the authors identify and which are generally characteristic of modern Russian society: historical, antique, family, modernizing and the ideology of the “dangerous thing”. They all acquire another dimension when complemented by the idea of virtue, typical for the religious field. Each of these attitudes has developed in its own socio-cultural environment and under the influence of various historical processes. In modern society, they are in

constant interaction, sometimes entering into confrontation: they compete in the minds of “moderators” (icon owners, priests, etc.), “shine through” each other, change depending on the communicative situation. The one that will prevail over the others will ultimately determine whether the moderator chooses the practice of preserving Soviet icons or will dispose of them. In the final part of the article, the authors analyze the influence that researchers (historians, anthropologists) can have on “moderators”, communicating with them during expeditions and voluntarily or involuntarily provoking them to changing/switching between semiotic ideologies.

Keywords: Icons, semiotic ideologies, old thing, antiques, family heirloom, dangerous thing.

Вот, например, фарфоровая собачка, которая украшает спальню в моей меблированной квартире... Она держит голову мучительно прямо и всем своим видом выражает приветливость, граничащую со слабоумием.

Я лично далеко не в восторге от этой собачки. Как произведение искусства она меня, можно сказать, раздражает... Но более чем вероятно, что через двести лет эту собачку — без ног и с обломанным хвостом — откуда-нибудь выкопают, продадут за старый фарфор и поставят под стекло... Производство таких собачек станет к тому времени забытым искусством. Наши потомки будут ломать себе голову над тем, как мы ее сделали. Нас будут с нежностью называть «великими мастерами, которые жили в девятнадцатом веке и делали таких фарфоровых собачек».

Джером К. Джером.

«Трое в одной лодке, не считая собаки» (пер. М. Салье)

Собиратель: — А что вы делаете с советскими иконами?

Информант: — А мы их не берем. Потому что это не представляет ни исторической, ни... Ух, у вас о них целая книга, кошмар.

(М., ок. 50, антиквар, 2023 г.)

СОВЕТСКИЕ иконы — уникальные во многих отношениях религиозные артефакты, которым посвящен этот выпуск журнала¹, — в последние десятилетия переживают са-

1. О термине «советская икона», о материальных, технологических и социальных особенностях артефактов, а также о понятии «икона-киотка» (икона, помещенная в деревянный ящик-киот, декорированная ризой и украшениями из различных материалов, чаще всего — фольги) см. первую статью этого выпуска журнала: Антонов Д.И. Советские иконы и материальная религия эпохи коммунизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3.

мый турбулентный период своей истории. Их сферы бытования и практики использования стремительно меняются, причем меняются по противоположным векторам. Массово покидая пространство домов, рукодельные иконы в деревянных киотах («киотки») обретают разный статус и оказываются в разных местах — от стен храма до печи, где горит церковный мусор; от городской помойки до федерального музея; от запасников антикварной лавки до оврага у лесного источника². Возникают новые практики, в которые вовлечены эти артефакты, и новые типы *модераторов*, которые распоряжаются ими, исходя из собственных представлений о том, с каким типом объектов они имеют дело.

Мы постараемся показать, что эти процессы определяются рядом общих семиотических идеологий, характерных для современного общества — их можно назвать *исторической, антикварной, семейной, модернизирующей и идеологией «опасной вещи»*. Пересборка социальных сетей, в центре которых находятся советские иконы, приводит к тому, что эти идеологии начинают взаимодействовать, наслаиваясь, «просвечивая» друг через друга или переключаясь у одних и тех же модераторов. При этом каждая из них обретает свою специфику, оказываясь в религиозном поле. Обо всем этом пойдет речь в нашей статье.

Ученый, торговец, дворянин, рационализатор и осторожный человек: семиотические идеологии вокруг «старых вещей»

К концу 1990-х гг. с изменением материальных, социальных и культурных реалий в постсоветской провинции, с массовым распространением доступных печатных икон, сельские мастера-образовники, которые десятилетиями создавали киотки на дому, либо вовсе прекратили работу, либо возвращались к ней только чтобы выполнить отдельные редкие заказы. В большинстве регионов ремесло перестало быть актуальным, потребность в кустарно изготовленных иконах сошла на нет. Нишу заполнили купленные в церкви образки. Они начали соседствовать в домашних божницах с прежними иконами, все чаще вытесняя их.

С. 7–26. См. также: Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023.

2. См. об этом: Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография Нижегородской традиции. С. 81–90.

В очень сжатые сроки советские киотки обрели статус *старой вещи*. Именно так — как артефакт ушедшего времени — их воспринимают современные модераторы. Иконы называют «отжившими», «прежними», «старыми», «бабушкиными» и т. п., подчеркивая временную и культурную дистанцию между говорящим и этим типом объектов. Для того чтобы понять, на каких основаниях выстраиваются дальнейшие оценки и действия людей, нам нужно рассмотреть важнейшие семиотические идеологии, которые определяют восприятие *старых вещей* в российском обществе.

Напомним, что термин «семиотическая идеология» американский антрополог Уэбб Кин использует, характеризуя «допущения, как негласные, так и эксплицированные, которые руководят людьми в том, как они ищут знаки в мире, воспринимают их и отвечают на них, — или как они этого не делают»³. Семиотические идеологии ярко проявляются в ситуациях конфликтов, участники которых могут быть как идейными противниками, так и людьми с максимально близкими системами представлений. Примеры нетрудно найти в истории религиозных конфронтаций, связанных с разными принципами интерпретации общих знаков и практик. Это полемика икономахов и иконодулов в Византии, католиков и протестантов, сторонников и противников реформ русского патриарха Никона и т. п. Конфликтующие позиции могут догматизироваться в ходе противостояния (формируются новые религиозные учения, институты), однако суть противоречий исходно заключается в разных способах оценки одних и тех же, по-разному семиотизируемых явлений⁴.

3. “By semiotic ideology, I mean people’s assumptions, either tacit or explicit, that guide how they do, or do not, perceive or seek out signs in the world, and respond to them”. Keane, W. (2014) “Rotting Bodies: The Clash of Stances toward Materiality and its Ethical Affordances”, *Current Anthropology* 55(10): 314. См. также: Keane, W. (2003) “Semiotics and the Social Analysis in Material Things”, *Language & communication* 23: 409–425.
4. Такую ситуацию Кин проследил на материалах, связанных с советскими антирелигиозными кампаниями, когда процедуру вскрытия раки с мощами святого по-разному видели не только коммунисты и православные верующие, но и протестанты. Последние во многом разделяли оптику большевиков, не усматривая в телах знаков сакрального, не наделяя их акторностью. Однако при фокусировке на других — общехристианских — знаках они оказывались уже на одном поле с православными и начинали осуждать коммунистов (Keane, W. “Rotting Bodies: The Clash of Stances toward Materiality and its Ethical Affordances”). Еще один пример на русских материалах — гораздо раньше, но с близких позиций — описал Б. А. Успенский. Это конфликт интерпретаций, который развернулся в период Раскола русской Церкви в 1650-х–1660-х гг. В оценке происходившего сторонники

Нас будут интересовать идеологии не столь яркие и конфликтные, но гораздо более распространенные, обиходные и мало заметные⁵. Это пять способов оценки и означивания *старых вещей*, которые определяют стратегии обращения с ними в городе и в селе. Каждая из них влияет на отношение к советским иконам. При этом религиозные представления об иконе как о *святом* объекте, который связан с церковью и символически «принадлежит» ей, накладываются на каждую из этих идеологий, «просвечивают» сквозь них, создают неоднозначные и конфликтные интерпретации вокруг икон советской эпохи. Все это определяет и многообразие локусов, в которых существуют советские религиозные артефакты, и широкий спектр практик, связанных с ними.

1. Ученый и горожанин: «историческая» идеология

Две первые установки характерны прежде всего не для владельцев икон или жителей провинции, а для приезжих горожан.

В восприятии *старых вещей* важную роль играет «историческая» оптика. Она предполагает означивание предметов как «уходящей натуры», «следов прошлого», «исторического наследия», «культурных корней», «утраченной красоты» и т. п. В рамках этой семиотической идеологии ветхость и руинированность многих

и противники патриарха-реформатора Никона исходили из разных семиотических идеологий — Б. А. Успенский назвал их *иконическим* и *конвенциональным* отношением к знаку. Для противников реформы визуальные, вербальные или акциональные знаки, веками использовавшиеся в русском церковном обиходе (нюансы обрядов, изображений, лингвистических форм церковно-славянского языка), являлись неизменными и данными свыше. Эти знаки нерасторжимо связаны с обозначаемой ими сущностью и в этом плане не просто отражают полноту истины, но и служат гарантом связи с божественным. Изменение знака приводит к нарушению и разрыву этой связи, а следовательно, губит человека несмотря на то, что внешне он продолжает совершать похожие (но измененные) обряды. Для многих сторонников реформы те же самые знаки, не теряя своей ценности и сакральной значимости, оказывались условными, легко заменяемыми. (См.: Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. С. 313–360). С некоторыми модуляциями, те же идеологии остаются актуальными среди российских клириков и мирян: одни считают «единственно верными» все нюансы современных (постниконовских) обрядов, другие полагают, что повышенное внимание к обрядам — установка «наивная», «народная», «законническая», «фарисейская» и т. п.

5. См. также о семиотических идеологиях, связанных с массовыми, «расхожими» иконами в России, — идеологиях, которые повлияли на отношение к фольклорным иконам XIX и XX вв.: Доронин Д. Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 35–60.

объектов считаются как знаки старины — это наделяет артефакты особой романтической аурой. Идет ли речь о мелких бытовых вещах или об архитектурных постройках, восприятие оказывается общим. Их редкость и/или удаленность от города дают ощущение экзотики, перемещения в пространстве/времени и открытия древних миров. Их изъяны считаются как признаки аутентичности, «крафтовости», индивидуальной неповторимости.

Интерес к «корням», в частности к сельскому искусству, который важен для нас в связи с советскими иконами, расцвел в СССР в середине XX в. «Деревенская тема» с романтизацией провинции, ее природы и архитектуры, исторических промыслов, ремесел и т. п. распространилась в литературе, живописи и кинематографе. Параллельно в СССР с 1960-е гг. начался активный процесс реставрации архитектурных памятников, переживших десятилетия антирелигиозных кампаний. Заповедники деревянного зодчества, созданные по примеру стокгольмского Скансена, стали организовывать в разных местах: Суздале, Новгороде, Костроме, Архангельске и проч. Это вызвало волну увлечения «сельской стариной» у горожан и интеллигенции, развитие туризма, исторического моделирования — «воссоздания» старинных ремесел, вплоть до изготовления средневековых судов, на которых энтузиасты совершали морские плавания. Явление хорошо описано в книге американского историка Алексея Голубева. Как справедливо отмечает автор, для сельских жителей такие увлечения горожан выглядели непонятной причудой. В провинции оставалась актуальной другая семиотическая идеология, в рамках которой деревенское и старое означивалось как привычное, дешевое и плохое, а городское и новое — как престижное и желанное (см. ниже). Это вело к практикам модернизации, часто с использованием дешевых материалов — стены оклеивали обоями, охотно использовали пенопласт, поролон, фанеру и проч. У туристов-горожан такая «реновация» вызывала раздражение, негодование и желание научить людей «ценить свою старину»⁶. Для самих жителей/пользователей это было безусловным улучшением и украшением.

Начиная с 2000-х гг. советские иконы тоже начали воспринимать как часть «старого сельского мира». Это был шаг к изменению статуса. В самом деле, в последние десятилетия некоторые

6. Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 120–167.

горожане (а иногда местные краеведы и другие любители старины) рассматривают и описывают советские иконы как образец наивного искусства, предметы старины, рукодельные артефакты прошлого. Это заставляет ценить их, фотографировать их, умиляться им, а в сильной позиции — собирать, коллекционировать и экспонировать как атрибуты советского сельского быта. Результатом стало создание небольших собраний советских икон в краеведческих, этнографических музеях и частных коллекциях⁷.

Здесь своя изюминка, своя история икон, свой... [стиль] Да, свой стиль. <...> Вот, например, в Нижнем Новгороде — там свой стиль, там, Владимирская епархия — свой стиль, в Вологодской — свой стиль. И эти иконы — хорошо, чтобы их не сжигать, а их восстановить — и в музей. А может даже, может даже — сделать и новые киоты. <...> А вот это работа, когда там сидели, там, вырезали каждый листочек, приклеивали там, и думали, там, как его обыграть, — это же целая, тоже, такая... ручная иконопись. <...> Художественная какая-то, ну, оформление, украшение иконы, это ведь тоже же, ну, все серьезно. Придать иконе красоту, живую такую, ручную. <...> Если привезти, начистить, все поправить, все сделать, принести, под стекло подставить <...> Сегодня уже ж они уже исчезают. Исчезающий уже вид. И надо... А нам бы конечно все это сохранить. Наших предков⁸.

Однако такое происходит (пока) нечасто. В отличие от расписных прялок, колыбелей, наличников и других предметов, которые уже давно собирают и экспонируют, советские иконы редко оказываются в фокусе внимания любителей старины и коллекционеров. Этому препятствует и то, что советские «киотки» относительно недавно (с 1990-х гг.) перешли в разряд «старины», и то, что их материалы многие воспринимают как низкостатусные.

В то же время религиозная оптика усложняет картину. В рукодельных иконах могут видеть не только исторический артефакт, но и яркий символ «церкви, ушедшей в народ». В этом случае они обретают ценность благодаря политическому контексту XX в. Многие респонденты почтительно отзываются о мастерах-обра-

7. Часто фолежные иконы рубежа XIX–XX вв. и советской эпохи используют, чтобы смоделировать красный угол русской избы. Примеры можно увидеть в краеведческих музеях Красноярского края, Воронежской, Нижегородской областей, Республики Мордовии и многих других регионов.

8. М., священник, г. Кимры, Тверская обл., зап. в феврале 2024 г.

зовниках как о «смелых людях», «истинных христианах», которые сохраняли религиозные традиции в государстве, преследовавшем верующих:

Это еще касается, так сказать, сохранения веры. Потому что — редко, правда, действительно есть случаи, — такие, когда люди отстаивали храмы. Такие случаи известны. Приходила власть — будем храм закрывать. А люди вставали горой и отстаивали <...> Но это редкий случай. В то время как иконы, ну, может быть, не каждый человек, но большое количество людей могло потихонечку эту веру сохранять. Посредством сохранения и творения таких икон⁹.

Такая интерпретация чаще встречается в городских сообществах и среди священников. Это скорее уровень рефлексии, которая появляется у многих при отстраненном взгляде на иконы, в разговорах с интересующимся чужаком. В обыденной ситуации те же священники могут жечь старые иконы, не задумываясь об их исторической роли. О таком переключении нарративов и практик мы поговорим в конце статьи.

2. Торговец: «антикварная» идеология

Вторая семиотическая идеология близка к первой и фактически является производной от нее. Тяга к «старине» порождает не только туризм, историческое моделирование и коллекционирование, но — параллельно — спрос и потребление. Желание получить в личное пользование старинные, крафтовые, исторические предметы ведет к формированию рынка и ценовой политики. Игроки, действующие на этом поле, означивают старые вещи не просто как ценные в культурном плане, но как монетизируемые объекты. Поиск артефактов ведется с практической целью — завладения и дальнейшей продажи. Ветхость, руинированность точно так же считывают здесь как знаки старины, однако с этими знаками могут сознательно работать для того, чтобы повысить стоимость объекта. Явные изъяны реставрируют, утраты компенсируют или ретушируют, но при этом, как правило, пытаются сохранить минимально необходимые признаки старины¹⁰.

9. М., ок. 45 лет, священник, радиоведущий, г. Москва, зап. в феврале 2022 г.

10. Грубая реставрация, когда предмет красят и лакируют так, что он перестает отличаться от новодела, — явление распространенное. Для ценителей старины это, как

Наконец, «знаки древности» могут создавать сами торговцы, пытаясь выдать новую вещь за историческую (так в XIX в. крестьянам сбывали «закоптелыши» — искусственно состаренные при помощи копоти иконы).

Носители такой идеологии — люди, которые действуют разными способами, включая криминальные. Иконы, которые представляют интерес, пытаются либо выкупить за небольшие деньги, либо получить в подарок, уговорив владельца, либо украсть — лично, с помощью нанятых местных жителей или с опорой на специально созданную группировку. Волны грабежей прошли по российским храмам уже в 1990-е гг., когда многие церкви вскрывали, чтобы выносить старые писанные иконы и реализовывать их на черном рынке. По рассказам наших респондентов в разных регионах, такие случаи происходили и в последние годы, несмотря на то что многие храмы оборудовали сигнализацией. Помимо этого, ценные иконы и другие артефакты забирали из частных домов — выпрашивая или ворую, о чем нам рассказывали в некоторых селах.

Все это привело к тому, что любителей старины и ученых — краеведов, историков, этнологов и т.п. часто воспринимают как потенциальных воров, а в попытке взять интервью подозревают подготовительную «разведку». Интерес к иконам воспринимают как желание обогатиться за счет местного материального ресурса. Иногда это становится проблемой в экспедиционной работе. Наши расспросы об иконах почти всегда начинаются с уточнений, что нам не нужны древние и ценные образы, что мы интересуемся только «фолежными», дешевыми, ненужными. Несмотря на это, новый собеседник, услышав «разговор об иконах», часто настораживается или вспоминает истории, когда приезжие люди так или иначе присваивали нечто ценное.

В личном общении эта ситуация почти всегда быстро снимается, оставаясь лишь характерным симптомом — он ярко проявляется в регионах или религиозных сообществах с хорошо сохранив-

правило, «порча», неудача, свидетельство низкой квалификации реставратора. Однако те, кто осуществляет такую работу, и те, кто покупает такие объекты, могут ценить старину в целом, не вдаваясь в нюансы: в этом случае сама форма, узнаваемый тип объекта или маркировка на нем будут считываться как вполне достаточные знаки древности. «Старинный самовар» или «старая прялка» сами по себе удовлетворяют такой запрос, а их радикально обновленный вид не воспринимается как изъясн. Если «историческая» идеология в принципе чужда реставраторам и покупателям, они смотрят на вещи функционально, как на предмет, которому возвращены утраченные качества и свойства. См. об этом ниже.

шимся фондом артефактов XVII–XIX вв. Однако это становится серьезным затруднением при дистанционном общении — по телефону или интернету. Несколько раз, когда нам приходилось беседовать таким образом со священниками (если их не было в селе), мы сталкивались с недоверием, которое невозможно было преодолеть. Несмотря на объяснения, ссылки на местных настоятелей, старожилов или краеведов, на научную работу и доступные публикации, в нас подозревали потенциальных мошенников и, после вежливого разговора, перезвонив церковным работникам, запрещали показывать нам старые иконы в сарае или подвале — даже если эти иконы были приговорены к сожжению. Не разбираясь в искусстве, в предметах старины, некоторые модераторы — священники или владельцы домашних икон — подозревают обман и стремятся не подпускать приезжих даже к тем вещам, которые воспринимают как дешевые и ненужные.

При этом самих антикваров советские иконы пока не интересуют — или почти не интересуют. Дешевизна материалов и отсутствие сложившегося рынка не располагает ни к краже советских икон, ни к стремлению обогатиться за их счет:

Я направляю в храм /людей, которые приносят мне такие иконы/, но в храме их не берут, и они исчезают просто. Стоимость их никакая, сами знаете <...> [Почему их вам несут, думают, что старинные?] Да, да. Икона есть икона, она всегда, в любом состоянии, фотография это или что, это все равно икона. Никуда это не... от нее не деваются, это мы знаем. А профессионалы ценят живопись, ценят историю, ценят время. [Пытаются их вам как-то продать? Убедить, что это старинная, девятнадцатый век?] Конечно, постоянно. [И что говорят?] Вот, мы, там, нашли, двести лет ей, там, все это... Я ж вижу, что это, ну...¹¹

Однако некоторые попытки продвинуть «киотки» XX в. на рынке уже наблюдаются. В некоторых антикварных магазинах советские иконы берут и откладывают, ожидая возможного спроса на них в будущем. Отдельные пользователи в интернете (на платформах «Авито», «Мешок» и т. п.) пытаются продавать такие иконы, ошибочно или намеренно характеризуя их как «старинные», «древние», «иконы XIX века». В одном случае такую икону (с наивным

11. М., ок. 50, антиквар, г. Переславль-Залесский, Ярославская обл., зап. в феврале 2024 г.

письмом по картону и декором второй половины XX в.) оценили в 3,8 миллиона рублей — наша переписка с продавцом показала, что это не ошибка и не шутка, а реальная попытка продать икону, которой «больше ста лет».

В крупных паломнических центрах советские иконы наравне с другими старыми предметами могут использовать как символический ресурс, превращая их в евлогии — предметы, которые уносят с собой не просто на память, но с желанием обрести брендея, предмет, наполненный святостью места. В одном из монастырей г. Арзамаса советские иконы, среди прочих, раскладывают на столе, откуда их можно забирать за пожертвования (ящик стоит рядом). Пожертвование необязательно, однако хранитель монастырского склада советских икон рассказал нам, что в летний период паломники оставляют «сотни тысяч». На этот рассказ, скорее всего, влияла коммуникативная ситуация — разговор с приезжими, которые хотели, по благословению настоятельницы, забрать часть старых «киотик» со склада. Несмотря на все рассказы о науке и исследовании, хранитель видел в нас потенциальных жертвователей или покупателей.

Можно сказать, что сейчас по отношению к советским иконам установился «режим ожидания». Некоторые модераторы находятся в бережливой позиции предвосхищения спроса, поэтому хранят рукодельные иконки из фольги или пытаются выдать их за древние объекты.

Невольными игроками на этом поле оказываются сами ученые — выставки советских икон в российских городах, публикации и фильмы о них, научная и научно-просветительская деятельность не только формирует язык описания этих объектов, но повышает их символическую значимость, а на втором этапе — потенциально — их рыночную стоимость.

3. Дворянин: «семейная» идеология

Следующая позиция характерна не для «чужаков», а для владельцев старых вещей. Эта идеология превращает старые объекты в семейное наследие, материализованную память о родственниках, домашние реликвии. Она характерна прежде всего для тех, кто поколениями жил на одном месте, чей дом наполнялся предметами, связанными со старшей родней. В дворянской усадьбе или купеческом доме вещи, переходящие по наследству, формировали практически все окружение и обрастали семейными ассо-

циациями. В крестьянском мире, где ценных и долговечных предметов было крайне мало, такая позиция имела гораздо меньшее распространение.

Этой семиотической идеологии был нанесен мощный удар в коммунистическом обществе. После революции целенаправленно истреблялись те социальные слои, которые имели долгие семейные традиции и богатое родовое наследие — аристократия, купечество, духовенство. Ценители «своей старины» исчезали из страны в результате гражданской войны, эмиграции, репрессий. Те, кто выживал и оставался, часто лишались и семейных домов (разоренных, уничтоженных, оставленных), и дорогих/семейных предметов — вещи теряли и продавали в годы революции, войн, голода. Многим стало фактически нечего хранить — массовая, часто вынужденная мобильность советского общества 1920-х–1950-х гг. отрывала от «материальных корней» тех, кто имел такие корни до революции. Рабочие и крестьяне, культура которых стала доминировать в результате социальных экспериментов новой власти, не имели столь ярко выраженных установок на «сохранение старины» или семейных реликвий.

Помимо социальных катаклизмов, «семейную» идеологию подрывала борьба с «мещанством» и «вещизмом», которую развернули в идеологическом поле и которая должна была маргинализировать и вытеснить «буржуазное» пристрастие к материальным благам. «Политика культурности» советской власти в 1930-е годы поощряла расставание с традиционным деревенским бытом и его переустройство по городскому образцу. Набор вещей, которым «новый горожанин» призван был окружить себя, должен был воспитывать в нем тот тип культуры, который моделировала власть¹².

Неудивительно, что в постсоветском селе нарративы памяти, связанные с материальным семейным наследием, встречаются не так часто, как это могло бы быть. Дома, в которых живут люди, в абсолютном большинстве созданы во второй половине XX в.; предметы, используемые в быту, преимущественно новые. Старые вещи часто лежат в сараях и, как правило, не вызывают

12. «Культурность» предполагала системные изменения в материальной обстановке. См. об этом, к примеру: Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. Том. 0. № 1–2. С. 194–213; Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2023. С. 53–125; Сальникова А. История елочной игрушки, Или как наряжали советскую елку. М.: НЛО, 2024. С. 75–135.

ни особых семейных ассоциаций, ни теплых чувств (что облегчало их собирание коллекционерами и антикварами). Статус семейной ценности могут иметь один-два предмета — к примеру, украшение, доставшееся от матери, или дореволюционная книга — но бывает, что таких вещей не оказывается вовсе.

Иконы, в том числе советские, относятся к тем редким «старым вещам», которые иногда включают в число семейных реликвий. Это характерно для тех владельцев, кто унаследовал киотки от старших родственников, кто получил их в юности (к примеру, благословением на свадьбу), и для тех, кто имел в семье собственного мастера-образовника. В этом случае советские иконы нередко оказываются «контейнерами памяти», которые позволяют нашим собеседникам пускаться в рассказы о семье, молодости, родителях или мастерах/мастерицах, изготавливавших такие артефакты. При этом старые иконы нередко описывают как *намоленные*, что придает им еще большее значение (см. ниже).

Благодаря «семейной» идеологии в советские годы многие люди отказывались снимать со стен родительские иконы, выбрасывать или прятать их, ссылаясь на то, что это память о родных. Так поступали даже не слишком верующие люди, которые — по собственным рассказам — продолжали хранить иконы в красном углу как семейную ценность:

Мы эти */домашние иконы/* не стали относить на кладбище, хотя у нас есть иконы и на деревянной основе, лишь только потому, что это память о наших родителях. Особенно матери. Вот... отец работал бригадиром, а его руководители были коммунисты. Они сказали: «Это что вот у тебя, Егор Алексеевич, иконы? А? Надо снять!» И когда отец сказал матери, чтобы она сняла, она решительно стала и сказала: «Не ты их сюда поставил, не ты их отсюда и снимешь». И вот и мы так до сих пор... чтим, чтим эти иконы¹³.

Я уже почти пятьдесят лет прожила в этом доме, а иконы мне баушкины нравятся! Я их покрасила, вот такой, киоточку такую сделала, они у меня такие — я даже на них никак не налюбуюсь. В этих цветочки старинненькие, лики таки хорошенькие, слава Богу — столько лет, они нисколько не испортились! Я так рада на них. Я прям

13. М., 1946 г.р., сельский староста, с. Тёплого, Нижегородская обл., зап. в сентябре 2021 г.

подхожу — у меня сердце к ним льется. Потому что баушка молилась! Вот. И, хочешь не хочешь, и ты перекрестисся¹⁴.

Однако эта семиотическая идеология не слишком распространена — в последние десятилетия фолежные иконы массово исчезают из домов. Наши собеседники вспоминают родительские иконы, которые «куда-то пропали», их «кому-то отдали», выбросили, оставили при переезде и т.п. Иногда в рассказах звучит сожаление, иногда его нет. Такие истории озвучивают и прихожане, и работники храмов, и клирики — позиция никак не связана с религиозностью, ведь от старых моленных образов отказываются в пользу новых и «лучших». От икон избавляются и прежние владельцы, и — гораздо чаще — их наследники, которые не усматривают ни ценности, ни семейной памяти в недорогих старых вещах. Это подход вызван не только пертурбациями советских десятилетий, но и рядом других причин — они лежат в основе следующей семиотической идеологии.

4. Рационализатор: «модернизирующая» идеология

Отношение к старой вещи как к предмету, который требует либо радикального обновления, либо замены, широко распространено на постсоветском пространстве. «Новое» обозначают как позитивное, а «старое» как негативное при разговоре о самых разных бытовых предметах¹⁵.

Материальный мир деревни, как минимум в последние несколько веков, был ориентирован на модернизацию и копирование более престижных «городских» моделей, а не на поддержание собственной «аутентичной материальности», воплощающей память о предках. Как мы уже упоминали, старые предметы воспринимались в целом как привычные и малозначимые — их охотно меняли на новые или старались обновить с использованием престижных «городских» материалов. В советское время эта тенденция широко распространилась и среди горожан — не только из-за постреволюционной борьбы с «мещанством». Во второй половине XX

14. Ж., ок. 65 лет, активистка православного прихода, пгт. Гремячево, Нижегородская обл., зап. в сентябре 2021 г.

15. Исключение — рассуждения о «прежних временах», советском или дореволюционном прошлом как золотом веке, когда «все было лучше»; этот дискурс встречается часто, но далеко не всегда он увязывается с реальными, используемыми в быту предметами. Транслируя эти мотивы, люди пользуются современными вещами, а не прекрасным наследием воображаемого прошлого.

в., после завершения социальных и военных катаклизмов, стремление «жить в ногу со временем», следить за модой и стилем, обновлять интерьер заставляла многих смотреть на старые вещи как на нечто рудиментарное и непрестижное. В ситуации постоянного советского дефицита то, что сохранилось, часто рассматривали лишь как ресурс для продажи и обмена. От «старых вещей» легко и охотно избавлялись, чтобы приобрести более современные, актуальные и редкие, как правило недоступные в советской продаже — а следовательно, высокостатусные. Предметы XIX и начала XX в. меняли на дефицитные товары — в том числе пластиковые и низкокачественные, но безусловно желанные¹⁶. Сочетание этих факторов привело к тому, что сохранность дореволюционного наследия во многих регионах СССР оказалась сравнительно низкой.

Заметим, что эта идеология — улучшения через модернизацию и замену — всегда была характерна и для религиозной традиции. Иконы обновляли, записывая потемневшее изображение. Устаревшие артефакты меняли на новые. Если предмет или здание имели высокий статус, почитались как святыни, это ни в коей мере не было тождественно их бережному сохранению и поддержанию их материальной целостности — обновление или перестройка/переделка были совершенно нормативным действием и в Средние века, и в Новое время, и в начале XX в. Церковные и светские власти, клирики, прихожане, паломники воспринимали святыню прежде всего через ее «второе тело» — незримую благодать, изливаемую вокруг нее. Первое, материальное, «тело» постоянно дополнялось, обновлялось, разрасталось за счет новых предметов¹⁷. Храмы перестраивали, их архитектурные формы трансформировали, некоторые элементы уничтожали и заме-

16. Так, в 1980-е гг. в нашей московской семье массивные весы XIX в. с чашами-птицами поменяли на маленькие пластиковые кухонные весы, которые воспринимались как редкая новинка. В те же годы многие наши родственники и знакомые выбрасывали деревянную мебель рубежа XIX–XX вв., чтобы освободить место для современной и модной мебели из ДСП. Идея «ценить старину» в собственном доме казалась смешной и ретроградной. — Д.А.

17. См. о «втором теле» икон и реликвий: Антонов Д.И. Апроприация силы: незримое «тело» святыни в христианских традициях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 7–25; Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Отпечаток на стекле: контактные реликвии на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3 (39). С. 209–243. О «расширенном теле» икон и стратегиях работы/взаимодействия с ним см. статью, публикуемую в этом выпуске журнала: Антонов Д.И. Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.

няли. Древние росписи сбивали со стен, чтобы расчистить место для новых (в конце XIX в. так поступили, к примеру, с фресками XII в. в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского). Это воспринималось не как порча или потребительское отношение к святыням и памятникам старины, а как улучшение — почитаемый объект становился более ярким, современным, привлекательным и/или удобным в использовании.

Аналогичная логика применительно к домашним иконам заставляла многих владельцев и мастеров-образовников обновлять и дополнять их декор. Старые элементы, включая созданные в XIX в., меняли на те, которые появлялись в селе и обретали статус *новой вещи*. Так в киотах икон оказывалась цветная школьная бумага, пластиковые кладбищенские цветы, новогодняя мишура и т. п. Из киоток XIX в. мастера нередко выбрасывали гальванизированную золоченую фольгу, заменяя ее фольгой от конфетных фантиков или молочных крышечек; дореволюционное золотое шитье закрывали «современной» (советской) серебристой фольгой¹⁸. Более новое и яркое воспринималось как более статусное, независимо от древности или качества материалов и технологий (оценить которые без профессиональных навыков было невозможно). Только что изготовленные или обновленные фолежные иконы оказывались «лучшими», чем старые.

Кроме того, новые материалы ассоциировались с городским, а значит престижным ресурсом. Высокий статус «городских вещей» до сих пор прослеживается в рассказах и владельцев икон, и их создателей. Так, мастер-образовник из пгт. Гремячево Нижегородской обл., который в 1970-е гг. перенял ремесло у своей матери, не без гордости говорил нам, что его иконы, украшенные только молочной фольгой с чеканным орнаментом, — это «городской» стиль, а киотки с цветочками — стиль «деревенский».

Однако после массового распространения в 1990-х гг. печатных икон любые «фолежки» — с цветочками или без них — утратили свой прежний статус. Перестав быть «новыми» и «современными», они автоматически перешли в разряд низкостатусных *старых вещей*, подлежащих замене:

Сейчас уже тоже стареют /фолежные иконы/, сейчас уже производство Софрино налажено очень здорово, в храмах — что ни пожела-

18. См.: Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. С. 162–165.

ешь. Поэтому сейчас эти иконы тоже уже стареют. Их из домов убирают многие. И покупают софринские иконы, как вот у меня¹⁹.

Как вам кажется какие иконы лучше: что раньше с фольгой делали или...] Ну щас в церквях продают красивее, конечно²⁰.

Избавляться от старых икон начали многие владельцы. Как правило, это происходит постепенно — иконы с годами меняют на новые²¹. Но иногда от советских киоток избавляются разом — к примеру, в ситуации переезда. Иконы просто оставляют, не забирая с собой. Нередко это описывают как ритуальную практику: оставленные образа должны «хранить дом». В результате, если дом не продается, иконы медленно «умирают» вместе с разрушающейся избой²².

Если иконы наследуют от деревенского родственника горожане, они могут не относить их в храм, часовню или на родник, а выставлять на продажу в интернете, как и другие ненужные вещи:

[Почему продаете?] Я оставила на память о бабушке другие вещи. Икона, чтобы молиться, мне не нужна²³.

Однако чаще всего и прежние, и новые владельцы несут иконы в церкви. Как нам рассказали в одной из церквей г. Муром, неко-

19. Ж., 1965 г.р., с. Ломовка, Нижегородская обл., зап. в сентябре 2021 г.

20. Ж., 1947 г.р., г. Лебедянь, Липецкая обл., зап. в июле 2023.

21. Некоторые священники говорят прихожанам, что в домашних красных углах икон не должно быть много — принимая эту установку, владельцы могут убирать часть икон, чаще всего, относя их в храмы или на часовни: [Почему вы отдавали иконы?] А потому что много, куда мне их? Вот, видите сколько много. Ну, зачем их столько. Я ездила везде и поэтому нам их давали, эти иконушки, и вот покупала. <...> Ну, куда их вешать? <...> Серафим Саровский одной молился, был пригоден. А мы много, и толка мало с нас [Ж., 1947 г.р., г. Лебедянь, Липецкая обл., зап. в июле 2023].

22. Д.Ю. Доронин описывал близкую практику среди тоншаевских марийцев: иконы оставляют в нежилых домах, где они постепенно разрушаются. Это явление он назвал «мягким иконоклазмом». У мари вещи, хозяин которых умер, считаются опасными для новых владельцев; похожие нарративы встречаются и у русских (см. об этом ниже). Doronin, D. Yu. (2018), "The 'Soft Iconoclasm' in Vernacular Orthodoxy of Volga Finns", *IKON. Journal of Iconographic Studies* 11: 197–204; Доронин Д.Ю. Религиозный синкретизм и ненасильственный иконоклазм в народном православии тоншаевских мари // Марийская культура: история, обряды, традиции, кухня, танцы, народные инструменты, промыслы, творчество. Шахунья, 2022. С. 52–67.

23. В тексте сохранена авторская пунктуация. Ж., продает икону советского типа на «Авито», зап. в мессенджере «Авито» в сентябре 2022 г.

торые пожилые женщины заранее приносят свои домашние иконы в храм, опасаясь, что после смерти дети и внуки обойдутся с ними недолжным образом. Наследники могут избавляться таким образом от всех киотов разом:

Ну давайте скажем, немодно стало иметь иконы. Просто немодно. Они не вписываются <...> Они не нужны²⁴.

И сейчас, конечно, вот эти иконостасы, красные углы — редко у кого дома оставляют. Ну делают евроремонт, ну никак там икона не вписывается²⁵.

Фактически все объекты с религиозной атрибутикой воспринимают как принадлежащие храму: у них есть символические «дом» — церковь (или другое освященное место — часовня, родник) и «хозяин» — священник. Люди стремятся «вернуть» в храмы все бесхозные иконы — даже те, которые создавались кустарями и функционировали в домашнем пространстве. Настоятелей воспринимают как модераторов, которые должны распоряжаться предметами, так или иначе связанными с православием — от найденных на земле крестиков до старых икон. Сами священники относятся к этому по-разному. Одни стараются регулировать циркуляцию и утилизацию религиозных атрибутов, вырабатывают специальные практики, назначают для утилизации или хранения ненужных предметов людей из церковной среды и т. п.:

Приносят к нам в храм <...> у нас, как бы, ну вот, копят и вот, мы их, вот, это... бережно храним²⁶.

Другие, наоборот, считают это проблемой — уговаривают людей оставлять вещи себе или утилизировать самостоятельно; запрещают организовывать в храме «принос» ненужных вещей; размещают объявления о том, что оставлять старые иконы на часовне или в церкви не благословляется (Ил. 1, 2):

24. М., 1974 г.р., с. Черепань, Липецкая обл., зап. в июле 2023 г.

25. Ж., 1972 г.р., с. Черепань, Липецкая обл., зап. в июле 2023 г.

26. М., 1977 г.р., священник, пгт. Мухтолово, Ардатовский р-н, Нижегородская обл., зап. в декабре 2021 г.

Я всегда им говорю: «Чего вы это мне тащите? Мне уже ставить некуда. Зачем?» <...> Ну книги — это ладно, книги мы там раздаем. Много чего еще притаскивают²⁷.

/Я им говорю:/ «Может быть, вы оставите? Мы вот в церкви-то ее не расположим. Потому что она несколько другого стиля», там, и так далее²⁸.

Я не у всех <...> беру иконы. У меня нет такой цели, что взять все иконы, там, сжечь. Я их уговариваю оставить их. <...> Пока они имеют свой вид нормальный, пока не рассыпались, то, ну, храните. Потому что это же ваша икона, ваша святыня. Я в храм их не повешу. «А мы вот не хотим». Тогда я предлагаю, иногда сам им предлагаю: если у вас есть свой частный дом, вы сами их аккуратненько утилизируйте²⁹.

В 2000-е и 2010-е гг. в монастыри и храмы советские иконы несли массово, что привело к образованию там больших складов. Этим вызваны и современные попытки прекратить такую практику, и случаи массовой утилизации советских артефактов. От старых киоток извлеклись сперва владельцы и их наследники, а затем новые (часто вынужденные) модераторы — священники. Некоторые из них считают, что советские иконы не заслуживают ни внимания, ни заботы. Низкостатусные советские материалы воспринимают как знак, указывающий на трагическую и «позорную» страницу в истории страны, когда церковь преследовали и унижали. Так одни и те же материальные особенности киоток провоцируют и позитивные (в рамках «исторической» идеологии), и негативные оценки.

5. Осторожный человек: идеология «опасной вещи»

Наконец, последняя семиотическая идеология, связанная со старыми вещами и значимая в нашем контексте, наделяет предмет скрытой угрозой. Старая вещь, не унаследованная, а найденная или полученная от малознамого человека, заключает в себе

27. М., 1964 г.р., священник, г. Лебедянь, Липецкая обл., зап. в июле 2023 г.

28. М., ок. 60 лет., священник, г. Великий Новгород, зап. в октябре 2023 г.

29. М., ок. 45 лет, священник, г. Первомайск, Нижегородской обл., зап. в декабре 2021 г.

важное свойство: она принадлежала неизвестно кому и несет в себе потенциальную опасность, связанную с прежним хозяином.

Страх перед предметом, оставленным кем-то, лежащим без присмотра, не имеющим владельца, относится к очень устойчивым моделям, которые работают и в традиционных, и в современных сообществах. Вера в проклятые вещи, которые способны магически поразить любого, кто переступит через них, дотронется до них или приблизится к ним, встречается в самых разных культурах. Это один из вариантов сглаза, порчи, преднамеренного или невольного вредоносного воздействия на человека или животное. Как известно, вера в порчу/сглаз распространена практически по всему миру и порождает множество магических практик — как вредоносных (создание *подкладов*, *закрутов* и проч.), так и защитных (использование различных оберегов)³⁰.

Эта вера и широкий комплекс оградительных действий стабильно сохраняются и поддерживаются в современных городских сообществах. Множество мотивов, связанных с «испорченной» вещью, циркулирует в городских легендах. Предмет могут осознавать как опасный, потому что его заговорили; потому что его подбросили враги и он скрывает в себе смертоносные вещи (яд, иголки, битое стекло и проч.); потому что его оставил проклятый человек; потому что энергетика прежнего владельца входит в предмет и переходит на нового хозяина и т. п. В определенные моменты эти мотивы актуализируются, связываются с фигурой воображаемого врага и порождают моральные паники. Об этом написано достаточно много исследований, к которым можно отослать заинтересованного читателя³¹.

Советские иконы часто оказываются без владельца — в ситуации, когда от них избавляются, оставляя в старом доме, на роднике, в часовне и т. д. Встреча с такой иконой вызывает у некоторых те же опасения, что любая бесхозная вещь. Эти страхи распро-

30. На славянских материалах см., к примеру: *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002; *Левкиевская Е. Е.* Порча // Народная демонология Полесья. публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Сер. “Studia philologica” Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 159–241; и др.

31. На российских материалах см.: *Архипова А. С., Кирзюк А. А.* Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: НЛО, 2020 (там же см. обзор литературы по теме). Ср., к примеру, представления, распространенные среди современных мари — о том, что вещи, хозяин которых умер, опасны для новых владельцев: *Доронин Д. Ю.* Религиозный синкретизм и ненасильственный иконоклазм в народном православии тоншаевских мари. С. 52–67.

странены среди воцерковленных людей так же, как и среди светских, и зачастую оказываются сильнее, чем идея о благодатности иконы. «Свои», узнаваемые иконы (сделанные знакомым мастером, принадлежавшие «своим» людям) предпочитают оставленным и незнакомым. Такие нарративы мы встречали не раз. Опасение перед чужими иконами, в частности, заставляет убирать их из купленного дома — ритуальный предмет, связанный с прежним владельцем, осознается новыми хозяевами как потенциальная угроза.

Люди боятся чужих икон. Снимают, убирают <...> Люди почему в храм носят? Потому что старая икона, всё. Старая икона, если в чужом доме: а мало ли что там, кто там жил, а вдруг там колдуны, а вдруг там какая-то бабушка, какая-то там плохая энергетика <...> Ну, колдуны там, или вдруг какая-то там... кто-то умер, или кого-то убили, может, еще что-то. Знаешь, как? И говорят: «Ой, нет. Это, наверное, типа тяжелая энергетика, мы не... не будем такие иконы оставлять» <...> [А лично бы вы, скажите честно, если бы у вас был выбор: свои новые приобрести или унаследовать старые иконы чьи-то?] Ну, если моей семьи, я бы, конечно, оставила... Ну, какие есть, такие и есть, я бы не отнесла. Если бы я купила этот дом, конечно, я их снимаю. [И куда?] Отнесу в храм. [Почему?] Ну, потому что это чужая икона. Потому что у меня свои есть, да? Вот куда я свои повешу в этом... Наши — венчальные, да? Они вот, парные. Куда я их дену? Я же не повешу рядом с этими?³²

Идея о том, что икона накапливает негативную энергетику, противоречит другому популярному в XX–XXI вв. представлению — о том, что со временем иконы становятся «намоленными», аккумулируя благодать. Святой объект и объект со «злой энергией» — вещи аксиологически полярные. Неудивительно, что идею об опасности старых икон многие критикуют как вредное «суеверие»:

[Почему их хотят увезти из дома?] Суетверие. <...> знаете, как бывает: дом покупают <...> И не хотят, чтобы икона была у них. Вот и все. [Почему не хотят? Что за суетверие такое?] Ну, вроде не наши, вроде как... Ну, не знаю, трудно объяснить <...> [Боятся чужих икон?] <...> Человек, понимаете, ведь много чего поначитается,

32. Ж., 1972 г.р., с. Черепянь, Липецкая обл., зап. в июле 2023 г.

и кто-то, может... суеверия, вот, это. И нужно куда-нибудь деть <...> [Икона не может быть проклята?] Естественно. Ну, есть, там, допустим, мож, там, лжеикона, не знаю, там. Нет, конечно. <...> А вот... ну щас много, всякие суеверия, знаете, начитаются в интернете всякие, все, шо угодно, все шо угодно! И, шо интересно, ведь говоришь — не очень-то и верят...³³

[Люди покупают новые иконы, а старых опасаются?] <...> Все эти иконы, они освящались всегда в храме. Это вот не просто — взяли, повесили икону. Иконы изготовили, отнесли их в храм, освятили, и после этого приносят домой, оформляют красный угол. И, соответственно, от освященной вещи какого-то зла ждать не приходится. <...> Икона... Она... есть освященный предмет культа, и, соответственно, она может нести только что-то... доброе, светлое, вечное. Это икона!³⁴

И все же представление об аккумуляции благодати от молитв и о накоплении «негативной энергии» явно родственны. По сути, здесь мы имеем дело лишь со сменой оценки, в то время как объяснительная модель остается общей. Первая идея нормативна для православия, а вторая нет, поэтому ее характеризуют как «магизм», «язычество» или «суеверие». Но общее представление о материальном объекте как «контейнере» для незримой энергии определяет восприятие икон и как *намоленных*, и как *опасных* вещей.

Переключение семиотических идеологий

Пять идеологий, о которых шла речь, влияют и на восприятие советских икон, и на практики обращения с ними. Коллекционировать или сжигать, хранить дома или относить в ближайшую часовню, вешать в храме или складывать в сарай — весь спектр оценок и действий определяется тем, как люди означивают *икону из советских материалов*, шире — *старую икону*, и еще шире — *старую вещь*.

Однако эти идеологии довольно подвижны. Люди оперируют ими по-разному, взаимодействуя с различными предметами. Принципы оценки, способы означивания меняются под воздей-

33. М., 1964 г.р., священник, г. Лебедянь, Липецкая обл., зап. в июле 2023 г.

34. М., 1974 г.р., с. Черепань. Липецкая обл., зап. в июле 2023 г.

ствием многих факторов, в том числе суждений окружающих людей. Интервью антропологов — пример коммуникативной ситуации, которая сама по себе изменяет привычную среду, обиходные контексты наших собеседников и неизбежно — иногда минимально, иногда серьезно — моделирует их оптику. Разговоры об иконах, даже погруженные в общий ход беседы, не акцентированные, располагают к тому, чтобы: (а) начать рефлексировать об обсуждаемых объектах, (б) задаваться вопросом о том, почему они интересуют приезжих, горожан, ученых, и не значит ли это, что объекты на самом деле более ценные, чем казалось. В результате мы часто наблюдаем, как семиотические идеологии переключаются у одних и тех же модераторов в ходе общения.

Приведем один характерный пример из нашего экспедиционного опыта 2023 г. В Новгороде Великом мы связались по телефону со священником, настоятелем храма, который пригласил нас приехать и посмотреть иконы советского времени. Несмотря на приглашение, он встретил нас настороженно, и мы еще раз объяснили, что изучаем историю советских лет, в том числе рукодельные иконы и другие вещи, которые люди делали в эпоху гонений. Недоверие ушло, и священник начал рассказывать, где встречал фолежные иконы и в какие годы их чаще приносили в церковь. Никакой ценности в них он не видел и распоряжался их утилизировать. Затем беседа переключилась на большую икону-киотку рубежа XIX–XX вв., которую нашли и достали к нашему приезду. По словам священника, она стояла где-то в кабинете и не привлекала к себе никакого внимания.

Во время беседы настоятель решил открыть киот и начал увлеченно обсуждать с нами материалы, технику мастеров, сетовать на то, что об иконе и о ее истории ничего не известно. В какой-то момент он отодвинул фольгу, чтобы взглянуть на лежащую под ней газету и попытаться разглядеть какие-нибудь датирующие детали. Не увидев дат и все больше увлекаясь, он начал приподнимать другие фрагменты, изучая устройство киотки.

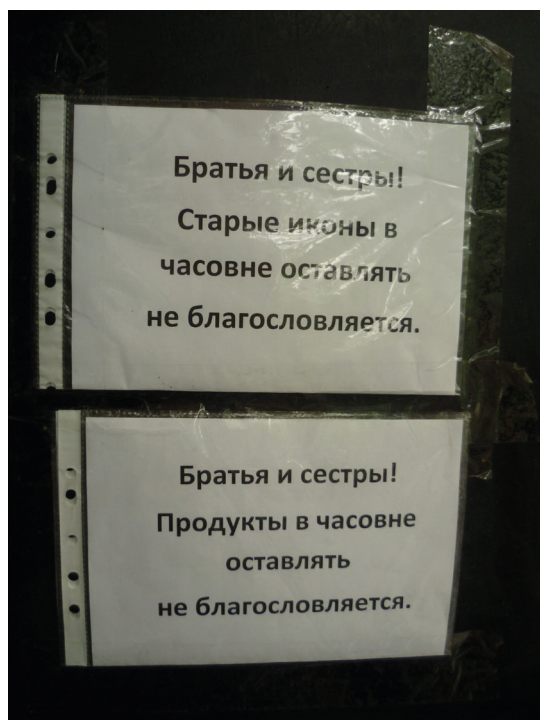
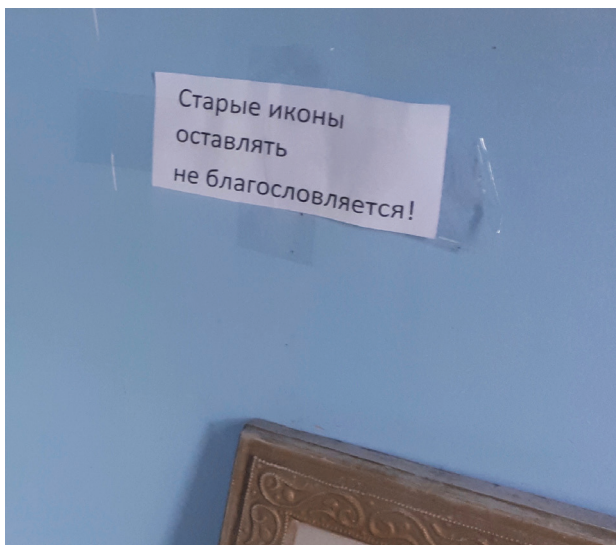
Пока мы совместно рассматривали декор, никто из нас, антропологов, активно не эксплицировал исследовательскую проблематику. Мы задавали вопросы и участвовали в коммуникации минимально, чтобы не «подсказывать» собеседнику ни оценки, ни принципы описания иконы. Однако знакомство и рассказ о предмете нашего интереса уже задал вектор восприятия. Настоятель сам проговаривал те моменты, которые изменяли его мнение об иконе. Он обнаруживал, как много в ней элементов,

размышлял, как они устроены, как мог работать мастер, и в итоге сказал: «Вы мне открыли глаза на это сокровище».

В ходе разговора между нами выстроились доверительные отношения — рассказав о проекте, мы передали инициативу собеседнику; демонстрируя вовлеченность и заинтересованность, предоставили настоятелю самому говорить о его иконе. Этого оказалось достаточно — способы означивания артефакта у нашего собеседника менялись на глазах. Начав знакомство сдержанно и с подозрением, он быстро вовлекся в тему, отложил дела и потратил на разговор об иконе около получаса. В результате он не только осознал себя владельцем значимого предмета, но и озаботился его сохранностью, превратился из пассивного хранителя в активного модератора — по собственным словам, решил «заняться» старой киоткой.

Эта ситуация могла бы развиваться по другому сценарию. Беседуя, обе стороны отчасти «прощупывали» друг друга, не задавая прямых вопросов. Священник пытался разобраться, кто перед ним и чего добиваются незнакомые гости. Мы, в числе прочего, старались понять, как он собирается распорядиться иконой, нужна ли она ему/храму и не готов ли он передать ее ученым. Если бы собеседник расположился к нам, но не начал ценить икону, ситуация могла бы привести к дарению — как это происходило со многими другими священниками. Однако интерес к нашим изысканиям перерос в интерес к самой вещи и в желание сохранить ее. В результате родился увлеченный модератор, и икона осталась у него.

Возможно, что, получая другие фолежные иконы, настоятель будет относиться к ним с большим интересом и пытаться сохранять как значимые объекты. Но не менее вероятен и другой сценарий — что иконы в храме продолжают жечь, не разбираясь. Вне коммуникации с приезжими, без заинтересованных слушателей, в рамках бытового контекста они по-прежнему будут восприниматься как ненужный балласт. Мы несколько раз видели такую ситуацию, возвращаясь в центры хранения советских икон, где уже рассказывали о проекте, записывали видеоинтервью с мастерами, дарили книги и сознательно транслировали «историчекую» идеологию, пытаясь приостановить истребление икон. В ходе общения наши собеседники много говорили о местных киотках и мастерах, показывали и передавали нам иконы для изучения, демонстрировали заинтересованность и увлеченность. А через год сообщали, что принесенное в прошлые месяцы сожгли в церковной печи или на костре.

**Ил. 1, 2 — Объявления в часовне, с. Нелей, Нижегородская обл.
Фото А.И. Завьяловой.**

Ситуативные переключения с «модернизирующей» на «историческую», «семейную» или «антикварную» семиотическую идеологию мы наблюдали не раз. К этому располагает само появление антропологов — о домашних или храмовых иконах начинают говорить как о значимом объекте, реагируя на внимание, которое проявляют к ним приезжие гости. Однако этот фактор срабатывает не всегда. Некоторые сохраняют негативное отношение к старым иконам, даже когда мы не просто расспрашиваем об их судьбе, а объясняем их историческую ценность и пытаемся уговорить их не уничтожать. «Негде хранить», «ненужное старье», «сжигали и будем сжигать» — говорили нам в некоторых случаях, отказываясь сотрудничать. «Модернизирующая» идеология не всегда меняется под воздействием «исторической», которую сознательно или невольно представляют антропологи. Все это лишний раз подчеркивает, как важен анализ коммуникативных ситуаций и внимание исследователя к тому, как влияет его появление на восприятие и на описание обсуждаемых явлений.

Библиография / References

- Антонов Д. И. Апроприация силы: незримое «тело» святыни в христианских традициях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(3). С. 7–25.
- Антонов Д. И. Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.
- Антонов Д. И. Советские иконы и материальная религия эпохи коммунизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 7–26.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Отпечаток на стекле: контактные реликвии на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(3). С. 209–243.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023.
- Архипова А. С., Кирзюк А. А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературно обозрение, 2020.
- Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2023.
- Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. Том. 0. № 1–2. С. 194–213.
- Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма / пер. с англ. Т. Пиресской. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Доронин Д. Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 35–60.

- Доронин Д. Ю. Религиозный синкретизм и ненасильственный иконоклазм в народном православии тоншаевских мари // *Марийская культура: история, обряды, традиции, кухня, танцы, народные инструменты, промыслы, творчество*. Шахунья, б.и. 2022. С. 52–67.
- Левкиевская Е. Е. Порча // *Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Том 3: Мифологизация природных явлений и человеческий состояний* / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 159–241.
- Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002.
- Сальникова А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М.: НЛО, 2024.
- Успенский Б. А. Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб: Азбука, 2002. С. 313–360.
- Doronin, D.Yu. (2018) “The ‘Soft Iconoclasm’ in Vernacular Orthodoxy of Volga Finns”, *IKON. Journal of Iconographic Studies* 11: 197–204.
- Keane, W. (2003) “Semiotics and the Social Analysis in Material Things”, *Language & communication* 23: 409–425.
- Keane, W. (2014) “Rotting Bodies: The Clash of Stances toward Materiality and its Ethical Affordances”, *Current Anthropology* 55(10): 312–321.